

Чудесное обращеніе

Ветхая, пошатнувшаяся, крытая соломой, изба. Входъ въ нее изъ маленькихъ бревенчатныхъ сѣней. Когда отворишь дверь, нужно согнуться въ три-дуги, чтобы не хватиться головой объ косякъ, или набросанныя велѣды палати и не откинуться назадъ съ порядочной болью. Въ переднемъ углу почернѣвшія иконописанныя образа, задернутыя ситцевой темной занавѣской; цѣлую половину избы занимаетъ большая русская печь, на которой старикамъ и дѣтямъ хорошо грѣться. Отъ печи къ стѣнѣ идетъ дощатая перегородка съ дверью, ведущею въ кухню или, по простецки, въ чуланчикъ. Здѣсь хозяйка вооружается ухватами, кочергою, горшками, предназначенными для варева скудной пищи, состоящей изъ пустыхъ щей и каши. Предъ образами дощатый столъ, а вдоль стѣны лавки. На стѣнахъ никакихъ картинъ; за то онѣ усыпаны множествомъ таракановъ и клоповъ—общая принадлежность русскаго неряшества. Въ этой избѣ жилъ крестьянинъ Илья Шестипаловъ. Такъ называли его односельцы, и это потому, что у него на правой рукѣ было шесть пальцевъ. Будемъ и мы называть его такъ. Худощавый, небольшой чело-вѣкъ—онъ былъ замѣтенъ въ народѣ тѣмъ, что рѣдко причесывался, ходилъ косматый, одѣвался въ зипунъ и лапти, разговаривалъ мало, въ церковь не ходилъ и считался раскольникомъ,

какъ уклонившійся отъ православія, нрава былъ угрюмаго и дикаго. Жена его, Акулина, толстая и неуклюжая баба, была словоохотливѣе и общительнѣе, но въ церковь также не ходила и „поповъ“ не любила. Двое дѣтей ея мальчикъ и дѣвочка—воспитывались въ томъ-же направленіи.

Къ Ильѣ Шестипалому я не ходилъ и въ избѣ его не бывалъ, поэтому что онъ, увидавъ меня, особенно когда я ходилъ по приходу съ иконами, всегда запиралъ избу и самъ прятался гдѣ нибудь въ сараѣ.

Было хорошее, теплое весеннее время. День былъ яркій солнечный. Была Св. Пасха и звонъ раздавался съ колокольни. Весело было такъ на душѣ! Я ходилъ по селу, въ ризахъ и съ крестомъ въ рукѣ, съ пасхальными молебнами.

Богоносцы, пожилые мужички, носили крестъ и Божію Матерь и Евангеліе и пѣли громко: „Христось Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ.“ Мы прошли цѣлую улицу, въ каждомъ домѣ служа молебны, и хотѣли завернуть за уголь, пропустивъ здѣсь первый угловой домъ. Этотъ угловой домъ былъ Ильи Шестипалаго.

— Мимо! сказалъ я.

Богоносцы пошли. Но вдругъ одинъ изъ нихъ остановился и сказалъ:

— Батюшка!

— Что ты?

— Что же мы никогда не заходимъ къ Ильѣ Шестипалому?

— Что же у него дѣлать? Да онъ поди и спрятался. Онъ не желаетъ принимать.

— Попробуемте. Можетъ быть и приметъ. А если не захватимъ его, то и такъ отслужимъ... Нужно же освятить когда нибудь его избу! Чай бѣсовъ въ ней сколько угнѣздилося! Ихъ чѣмъ же возьмешь, какъ ни святыми иконами и церковнымъ пѣніемъ!

— Согласенъ, пойдете!... съ Богомъ!

Богоносцы входятъ во дворъ, никого нѣтъ; идутъ въ сѣни никого тоже не встрѣчаютъ; растворяютъ дверь въ избу, тоже

никого нѣтъ. Стоять мертвая тишина; зановѣски у образовъ задернуты. И вотъ дьячекъ и богоносцы запѣли „Христось Воскресее изъ мертвыхъ“ и начали далѣе пѣть молебенъ. Вдругъ съ палатей что-то грохнуло; я перепугался и оглянуся назадъ... Что такое? Вижу толстую бабу, которая поднимается съ пола и хочетъ бѣжать. Я говорю ей: „Стой! погоди, голубушка! не бѣжи отъ насъ; мы люди смиренные, тебя не обидимъ... Видишь, мы дѣло Божье справляемъ, а ты послушай, поучись у насъ! „Потомъ я сталъ продолжать молебенъ; а баба Акулина стояла, чуть живая, у двери, не трогаясь съ мѣста. Вѣжать ей теперь, въ виду причта и богоносцевъ, было уже стыдно.

Окончавъ молебенъ, я сталъ съ нею говорить.

— Ну, ты что боишься насъ, голубка? за чѣмъ отъ Христа бѣгаешь?

— Я не отъ Христа бѣгаю, а отъ васъ... Я васъ боюсь...

— За тѣмъ и въ церковь не ходишь?

— Потому и въ церковь не хожу.

— Почему ты боишься меня?

— Вы молитесь шепотью...

— Не шепотью, а тремя перстами во имя св. троицы—Отца и Сына и Святаго Духа.

— Грѣшно такъ молиться... Нужно двумя перстами...

— Ну, и молись такъ, какъ молишься... Я не запрещаю. Только ходи въ церковь.

— Какъ ходить-то туда? Тамъ все шепотники, смѣшаешься... Одинъ грѣхъ будетъ.

— Ходятъ туда и не шепотники такіе же, какъ вотъ ты, да не обрезаютъ. Сила-то не въ томъ, а въ молитвѣ душевной, согрѣтой вѣрой и любовью. А вы вотъ насъ не любите и церковь Божию худите. Какъ дьяволь-то васъ осѣтовилъ! Горе съ вами!

— А гдѣ твой мужъ? спросилъ я немного погодя.

— Кто знаетъ, гдѣ?... Чай, поди ушоль куда нибудь.

Мы вышли изъ избы.

Около избы стояла большая кадушка верхъ дномъ. Моему

дьячку показалось это подозрительнымъ. Онъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ: ужь не подь кадушку ли онъ спрятался? Дьячекъ потомъ повернулъ кадушку и изъ подь нея, къ удивленію всѣхъ, вышелъ Илья Шестипалый. Всѣ разсмѣялись. Кто-то сказалъ: Чучело! какъ ты тамъ не задохнулся!

Илья стоялъ нахмуренный, сконфуженный.

— Что ты дѣлаешь? сказалъ я потомъ. Какъ тебѣ не стыдно! Отъ Христа бѣгаешь, не знаешь, куда спрятаться, подь кадушку залѣзь!...

Илья молчалъ.

— Что же молчишь? сказалъ одинъ изъ богомольцевъ... Проси у батюшки прощенія!... Въ чемъ я буду у него просить прощнія?.. Я предъ батюшкой ничего ни сдѣлалъ...

— Ничего не сдѣлалъ, да обидѣлъ его тѣмъ, что спрятался отъ него, какъ отъ какого нибудь чудища. . Эхъ, ты голова!

— Чего-жъ ты испугался меня? Въ рукахъ у меня не жезлъ не посохъ, которымъ пастухи подгоняють заблудшихъ овецъ, а крестъ, на которомъ изображень распятый Христось Господь. Подь осѣненіемъ этого креста я вношу въ дома ваши не страхъ а любовь и миръ. Знаешь ли, что сказалъ Христось? „Миръ мой даю вамъ, да любите другъ друга“. Не бойся! я тебя не трону, не опоганю тебя, какъ ты думаешь. Опомнись, раскайся, иди въ церковь. Она всѣмъ, намъ любящая мать, Ноевъ ковчегъ, въ которомъ мы спасаемся.

Илья Шестипалый сгоялъ и только почесывался. Съ тѣмъ я съ нимъ разстался.

Прошелъ годъ. Въ какой-то праздникъ я служилъ литургію. Вышедъ изъ алтаря св. дарами, я увидѣлъ стоящаго у двери Илью Шестипалаго. Что съ нимъ? подумалъ я. Не осѣнила ли его благодать Божія? Не хочеть ли онъ ходить въ церковь? Сомнѣнія мои скоро разсѣялись. Черезъ недѣлю послѣ того я увидѣлъ опять въ церкви Илью, а подлѣ него жену его.

Съ тѣхъ поръ Илья Шестипалый не переставалъ ходить въ церковь. Ему сопутствовала его жена. Наконецъ, они оба

сдѣлались такими усердными христіанами. ревнителями православія, какихъ у меня мало было въ приходѣ. Дожилъ этотъ чело-вѣкъ до 75 лѣтъ и скончался, исповѣдавшись и причастившись св. Таинъ и особоровавшись св. елеемъ.

Протоіерей *А. Лунинъ.*
